

Заключение. Сюрпризы и противоречия Ближнего Востока

Ближний Восток, как мы уже говорили, – это регион, который много десятилетий находится в центре внимания всего мирового сообщества. И не только потому, что является беспокойным и конфликтным. Он постоянно преподносит такие «сюрпризы» и повороты, которые ощутимо отражаются на всем мире. Это неудивительно, ибо здесь тесно сплелись геополитические интересы мировых и региональных держав, крупнейшие запасы энергоресурсов позволяют влиять на уровень цен на них, а острые проявления религиозного фанатизма создают питательную среду для террористов. Если к этому добавить неурегулированные вопросы создания национальных государств (курдов, палестинцев), несложившиеся нации, пестроту этноконфессионального состава населения во многих странах, колоссальные богатства, сосредоточенные в некоторых центрах, громадные закупки вооружения и многое другое, то картина предстает еще более яркой и тревожной.

Хотя в данной книге немало было сказано о множестве резких изменений, поворотах и «сюрпризах», произошедших на Ближнем Востоке за последние годы, тем не менее стоит остановиться еще на некоторых вопросах, тем более что многие из них подтверждают выдвинутую нами концепцию, что события Арабской весны (а также события, следовавшие за ней) являются началом реконфигурации Мир-Системы.

Прежде всего стоит указать, что все эти годы политика США постоянно колебалась в самых разных аспектах, поэтому обнаружить в ней ясную логику затруднительно, тем не менее мы попробуем сформулировать возможные выводы (анализ американской политики в современный период см. в *Главе 7*; см. также: Гринин 2015б). Во-первых, в целом можно констатировать, что США взяли курс на сокращение своего прямого участия в конфликтах, в результате чего они вывели свои основные войска из Афганистана и Ирака. Это свидетельствует о том, что возможности Соединенных Штатов вести войны сокращаются¹. Но попытки опереться на уста-

¹ США «взамен» пытаются расширить число и географию локальных операций с помощью беспилотников, бомбящих намеченные цели, и групп специального назначения, которые

новленные ими режимы в этих странах не дали нужного результата, военные возможности и успехи данных режимов явно не оправдали ожиданий. В итоге «Америка была вынуждена еще глубже погрузиться в Ближний Восток» [Тол Гёнюль 2015].

Во-вторых, вывод войск вовсе не означает, что США хотят сократить и степень своего влияния в регионе. Кажется, напротив, они пытаются использовать методы раздувания внутренних противоречий, инспирирования конфликтов, помощи оппозиционным группировкам для свержения устойчивых режимов. По-видимому, некоторые представители американской политической элиты полагают, что в условиях хаоса в результате свержения легитимных правителей (как в Ливии или Сирии) и балканизации стран им будет легче осуществлять свою глобальную политику.

В-третьих, Соединенные Штаты стали активно использовать различные силы для ослабления тех режимов, которые им неудобны, или для достижения собственных целей (см., например, ниже в отношении Ирана).

В-четвертых, вероятно, они полагают, что проводят политику «разделяй и властвуй», когда пытаются противопоставить одни страны другим (в частности, Иран – Израилю и Саудовской Аравии). Правда, понять смысл и цели этой политики довольно затруднительно. Единственное, что понятно, – США пытаются ослабить многие режимы, которые не контролируются ими полностью, а также то, что они зачастую стремятся достичь своей цели любой ценой, даже возможным ухудшением отношений с союзниками (см. ниже).

В результате политика Соединенных Штатов выглядит достаточно противоречивой, их взаимодействие даже с союзниками весьма эгоистично. Они пытаются не брать на себя каких-либо постоянных обязательств и действуют согласно сиюминутным побуждениям, в то же время полагая, что все страны будут с радостью сотрудничать с ними в любой сфере и в любой момент, когда США того пожелают. Все это выглядит весьма самонадеянным и недалеким, и свидетельствует, с одной стороны, о падении профессионализма в области внешней политики [Фримэн 2015], а с другой – о том, что элита США впадает в иллюзию своего сверхмогущества². В целом это ведет только к усилению хаоса

грубо нарушают суверенитет большинства стран мира. По последним данным, деятельность таких групп в 2014 г. затронула около 150 государств [Turse 2015].

² Дж. Неру [1977, т. 1: 82], ссылаясь еще на Геродота, по сходному поводу писал: «В истории наций наблюдается три стадии: успех, последствия успеха – высокомерие и несправедливость, а затем уже, как их следствие, – падение».

и появлению сил, которые никто не в состоянии контролировать. В итоге Соединенные Штаты могут растратить свое могущество гораздо быстрее, чем в случае взвешенного и реалистичного подхода (см. об этом в отношении украинского кризиса мнение П. Коэна [Smith 2015]). Кроме того, непродуманными попытками использовать самые разные силы США высвобождают политические амбиции региональных лидеров, таких как Саудовская Аравия, которые начинают вести свою собственную агрессивную игру (как в случае с саудовской интервенцией в Йемене) [см., например: Тол Гёньюль 2015].

В публицистике не раз озвучивали историю о том, что во второй половине 1980-х гг. американский президент и король Саудовской Аравии договорились об увеличении добычи нефти саудитами, что в итоге привело к резкому падению цен на нефть в 1986 г. и обострению экономических проблем в СССР (что способствовало его коллапсу). В этом можно сомневаться, в любом случае не так просто установить истинную пропорцию между объективными и субъективными причинами падения цен на нефть. Аналогично можно говорить и о возможных договоренностях во второй половине 2014 г. между Б. Обамой и королем Абдаллой по поводу обрушения цен на нефть, чтобы создать экономический хаос в непокорной России (а заодно в Венесуэле, где не удалось совершить «цветную революцию», и некоторых других нефтедобывающих странах). Если это так, то складывается впечатление, что политика США, образно говоря, заключается в том, чтобы ради непосредственной конкретной задачи выпустить джинна из бутылки, не беспокоясь о том, что в итоге этот джинн окажется неконтролируемым и может натворить множество бед. Так или иначе, в очередной раз произошел резкий поворот в нефтяном сюжете, и падение цен на нефть затронуло весь мир. Последствия этого пока не ясны. Вероятно, такой поворот означает закат ОПЕК, наиболее мощного картеля развивающихся стран. Падение цен на нефть вызвало серьезные изменения, связанные с положением многих стран, включая также и нефтяную отрасль США. Игра с нефтяными ценами, которую ведут Соединенные Штаты вместе с саудитами и странами Персидского залива (но одновременно и друг против друга), продолжается и грозит значительными изменениями. Это неожиданно сделало Иран центром внимания. В то же время не исключено, что арабские страны Залива перехитрили США, ослабив перспективы их сланцевой добычи нефти [см., например: Doan 2015].

Другой поворот, не столь драматичный, но также очень важный – превращение Израиля в провинциальный пункт Большого Ближнего Востока. События в этом районе меркнут на фоне других. Естественно, Израилю это не очень нравится, также как не нравится, что США начали больше интересоваться Ираном, чем Израилем. В Израиле падает рейтинг Обамы. Обвинения однообразнее другого мелькают в местной прессе: «Обама против Израиля» [Непомнящий 2015]; «Обама бросает Израиль под колеса ближневосточного автобуса» [Кахана 2015]; Обама «позволяет Ирану набирать силу, продвигает “Братьев-мусульман”, придерживается антисемитских взглядов и принимает радикальный ислам» [Глик 2015].

Еще одна метаморфоза, произошедшая в результате непоследовательной американской политики, связана с Ираном. Несмотря на все санкции и давление на эту страну, отчаянное желание саудитов ослабить Иран, создается впечатление, что позиции последнего укрепляются. Иран неожиданно оказался нужен США и Европе. Нужен настолько, что ради него Соединенные Штаты портят отношения с надежными союзниками [см., например: Тол Гёнюль 2015]. Возможно, правы аналитики, которые считают, что Иран Соединенным Штатам нужен как орудие ослабления российской энергетической мощи [Уитни 2015а; 2015б]. Очевидно, что как санкции США и Европы против Ирана, так и близкое к утверждению соглашение между Ираном и США с их союзниками относительно иранской ядерной программы основано не на истинной угрозе, а на согласованном и безостановочном желании США разоружить тех, кого они воспринимают как врагов Запада; врагов, которых определяют по единственному признаку, – тех, кто отвергает гегемонию США, справедливо считает Дж. Хёртлер [2015]³. Но дело в том, что Америка постоянно меняет своих врагов, а также предает (или заставляет делать самоубийственные шаги) тех, кого вроде бы считала союзниками (как Х. Мубарака). Отсюда нарастает хаос.

Бесконечные изменения внешней политики Соединенных Штатов значительно усугубляют нестабильность на Ближнем Востоке, попытки тушить огонь керосином (как, например, попытка давить на Россию с помощью снятия санкций с Ирана, а проблемы Ирака решать путем попыток свержения турецкого лидера Эрдогана и т. п.) могут привести к хаотизации в еще большей степени.

³ Он также добавляет, что если страна разоружится, останется мало факторов, сдерживающих Запад от потворства своим грабительским инстинктам, где бы он ни видел к тому возможности. Фактически это никогда не обсуждается [Хёртлер 2015].

В любом случае политика США не выглядит ни дальновидной, ни благоразумной. Несомненно, Вашингтон совершил крупную ошибку, чрезмерно и даже драматически расширив горизонт своих внешнеполитических интересов, в результате чего Соединенные Штаты оказались в центре иррациональных войн и кризисов [The Nation... 2015]. Но, вероятно, это одно из проявлений изменений «эпохи новых коалиций», первая фаза которой связана с хаотизацией, попытками изменить ситуацию [см. подробнее: Гринин 2009а; 2012в; 2013а; Гринин, Коротаев 2009а; 2012б; Grinin, Korotayev 2010b; 2015].

В рамках указанных особенностей внешней политики США также стоит отметить изменение отношения к курдской проблеме. Опять же Соединенные Штаты пытаются действовать в ущерб своим союзникам, в частности Турции, к которой они часто стали относиться не как к союзническому государству.

«Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ) – один из самых неприятных сюрпризов Большого Ближнего Востока. Мы несколько раз говорили о законе Бердяева: *«Все революции кончаются реакциями»*. Но, расширяя этот закон, можно сказать, что и всякие вмешательства также часто заканчиваются реакциями. Вот почему можно считать, что ИГИЛ – это реакция на вмешательство Запада и США.

Вокруг «Исламского государства» много шумихи и конспирологии. Но утверждение, что именно активная помощь США сирийской оппозиции (наряду с такими факторами, как брошенные офицеры армии Саддама Хусейна) значительно помогла формированию этой организации, весьма похоже на правду [см. Главу 5, а также: Кронин 2015]. Так или иначе, «Исламское государство» своим чудовищным радикализмом привлекает огромное число добровольцев из разных стран, при этом и в западных странах формируется пятая колонна из радикализованных мусульман. По оценкам американской разведки, около 15 тысяч иностранцев из 80 стран прибыли в регион, чтобы вступить в ряды ИГИЛ – в среднем до тысячи бойцов в месяц [Там же]. При этом эксперты из разных стран предупреждают, что влияние ИГ может и, скорее всего, будет нарастать, поскольку сила этого движения состоит в «привлекательном для многих призыве сопротивления миру угнетения и несправедливости» как в собственно ближневосточных странах, так и в западных. Поэтому у ИГИЛ есть шанс стать глобальным движением [Строкань 2015]. С другой стороны, эта опасность сближает бывших врагов. Так, в Сирию постоянно прибывают тысячи иранских и иракских бойцов, призванных поддержать вооруженные силы страны в борьбе с боевиками «Исламского государ-

ства» для защиты Дамаска. Кроме того, ИГИЛ удалось настолько радикализовать исламские лозунги и практику, что есть вероятность отмежевания от них очень многих.

Отсутствие каких-либо гарантий безопасности для любой страны на Большом Ближнем Востоке дополнительно усиливает напряженность, в результате все лихорадочно вооружаются и угрожают друг другу. В этом регионе всегда (но теперь, может быть, даже в еще большей степени) нарушаются международные нормы, уже ставшие привычными акты возмездия и терроризма дополняются проявлениями агрессии, становящимися обычным делом (как неожиданные бомбардировки Йемена), быстро складываются военные коалиции, которые объявляют войны легитимным лидерам и одновременно легко признают свержение законно избранных президентов. Отсюда угроза постоянной нестабильности. Можно предположить, что изменение международного порядка может начаться именно здесь, в регионе с наибольшим градусом напряжения, где война стала перманентной, а террор – нормой.

В свое время мы указывали, что борьба мирового сообщества с растущим эгоизмом США, не желающих признавать общие интересы, будет составлять главную интригу глобального противоречия [Гринин 2005; 2008а; 2009а]. Последние годы, особенно в связи с Арабской весной (а затем и с украинскими событиями), все заметнее это подтверждают. Очевидно, что реальная цель «хозяев Вселенной» – справиться с упадком империи. Это подразумевает возрождение стратегии «разделяй и властвуй» в Западной Азии с участием Турции, Ирана, Саудовской Аравии и Израиля [Эскобар 2015].

Все это пока ведет к усилению противодействия США, расколу мира и созданию новых коалиций. Как пишет Дж. Томас, «Китай, Россия и остальной мир, столкнувшись с американскими угрозами и хвастовством, не просто свернут свои знамена и согласятся, что надо слушаться США. Вместо этого они создают альтернативы. И делают это весьма хорошо и быстро. В данный момент переоценка США своих сил не только дает возможность подняться другим державам, она вынуждает их буквально создавать полномасштабную империю» [Томас 2015].

Таким образом, для формирования нового, более адекватного мирового порядка инициатива должна исходить прежде всего от США. «Вашингтону нужно пересмотреть свой подход. Прекратить вмешательство и антагонизм, перестроить отношения с помощью торговли и взаимного доверия и принять неизбежность упадка империи», – справедливо замечает М. Уитни [2015а].

США и Европа часто действуют жестко и агрессивно против развивающихся стран, потому что им кажется, что это никоим образом их самих не касается и не коснется. Однако глобализация по своей природе такова, что события на одном конце света начинают стремительно влиять на обстановку в других местах. Так, Ливия и ИГИЛ начали влиять на ситуацию в Европе и США. Беженцы, захват заложников, казни, борьба с терроризмом обусловили необходимость привлечь страны, которые находятся в оппозиции Западу.

Таким образом, налицо ситуация, которая объективно заставляет более ответственно относиться к результатам внешней политики и геополитических акций, хотя пока что западные страны действуют так, как будто мы живем в XIX, а не в XXI в. Но в эпоху глобализации реакция на такие действия будет достаточно быстрой и может оказаться неожиданной.

Опасность распространения исламистско-террористической идеологии в результате распада ранее стабильных государств на территориях, наиболее предрасположенных к этому в связи со своими этноконфессиональными особенностями, исключительно велика. Терракты в Тунисе и Франции, Египте и Турции, нападения на блокпосты на Синае – это уже совсем не шутки...

Ситуация усугубляется еще и тем, что линий раскола на сирийском фронте становится со временем все больше. Мировое сообщество с огромным трудом приходит к компромиссам, в то время как клубок противоречий становится все запутаннее. Членам Совета Безопасности ООН потребовалось пять лет для того, чтобы договориться по совершенно тривиальным пунктам резолюции по Сирии, принятой в конце 2015 г., появление которой выглядит явно запоздалым. При этом ситуация в деле борьбы с терроризмом и противостояния «Исламскому государству» становится все более туманной. Все усугубляющийся конфликт между Россией и Турцией, появление еще одной, уже третьей, на этот раз «исламской» коалиции в борьбе с ИГ, срыв переговоров противоборствующих с Сирией сторон в Женеве – все это отнюдь не способствует координации усилий мирового сообщества и всех заинтересованных сторон в урегулировании ближневосточного конфликта, без чего его решение вряд ли представляется возможным.

Большую опасность представляет ситуация в Ливии, которая становится третьим после Ирака и Сирии очагом воинствующего исламизма на Ближнем Востоке. Сюда стекаются исламистские радикалы всех стран. Все больше нарастает опасность того, что исламистско-радикальная сфера влияния распространится на регионы

южнее Сахары, вплоть до Мали, Чада, Нигерии, где уже и так действуют радикалы «Боко харам» и другие. Запад рискует создать в Африке постоянный источник терроризма и радикализма, который будет отравлять жизнь в течение многих десятилетий. И отсидеться в своем благополучии не удастся. Меры по контролю за иммиграцией могут не помочь, да, собственно, уже не помогают, если всерьез обсуждается необходимость бомбить жалкий флот нелегалов. Если употреблять терминологию А. Тойнби [1991], внешний пролетариат в Азии и Африке, просачиваясь в Европу и Америку, становится их внутренним пролетариатом, который может подорвать стабильность [см. также: Эмре 2015]. США и Западу необходимо отказаться от политики разрушения государственности в странах Большого Ближнего Востока и Африки, в том числе средствами так называемой революции, и начать думать, как помочь укрепить в них государственность. Ведь процессы глобализации все заметнее объединяют судьбы народов.

* * *

Большой Ближний Восток, несомненно, еще не раз удивит мир. В то же время в обществах этого региона наметились радикальные перемены, которые рано или поздно произойдут, хотя, к сожалению, из-за большой геополитики США и радикализма исламистских организаций цена этих изменений может оказаться высокой.